

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2019.1.1

Межвоенные годы в СССР (1921–1939), или Готовил ли Сталин страну к Большой войне?

И. М. Ильинский

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье анализируется сложный период в истории СССР — годы становления советской власти, политических, экономических, социальных решений после окончания Гражданской войны и до начала Великой Отечественной войны. Рассматриваются проблемы изучения истории, трактовок деятельности политических лидеров современным научным знанием и вопросы переменчивости общественного мнения.

Ключевые слова: СССР; история России; Гражданская война; Великая Октябрьская революция; Великая Отечественная война; большевики; советский период; В. И. Ленин; И. В. Сталин; Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев

В результате Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. и последовавшей за ней почти четырехлетней Гражданской войны власть оказалась в руках Российской социал-демократической партии большевиков. Никто из ныне живущих людей не в состоянии даже вообразить в полной мере ту социально-экономическую обстановку и атмосферу, в которой оказались почти 150 млн российских обывателей, не мысливших ни о какой революции, ни о каком социализме и новой — советской власти. Да и сами вожди революции, тем более рядовые члены партии, были в шоке и растерянности от того, что произошло. Одно дело — бороться за власть, и совсем другое, захватив ее, впервые в человеческой истории строить новое государство, новый общественный порядок, управлять бушующим людским океаном, который, если не справиться со стихией, уничтожит тебя.

Чтобы всерьез судить о том, почему вожди послереволюционной эпохи поступали так, а не иначе, надо как можно лучше знать масштабы их ума, силы воли, главенствующие черты характеров, экономическую и политическую обстановку, духовно-нравственную и социально-политическую атмосферу, в которой они оказались и действовали, а также **почувствовать эту ситуацию**, как говорится, всеми фибрами своей души, т. е. оказаться в «ситуации понимания», как требует того герменевтика — древняя наука о понимании. «Знать» — еще не значит «понимать». Понимание — высшая ступень познания.

Беда в том, что мы, ныне живущие, плохо знаем отечественную историю, если не сказать больше — своей подлинной истории мы вовсе не знаем. Особенно историю со-

ветского периода. Почему да отчего — другой вопрос. Но даже признавая свое незнание (околознание или полужнание), мы смело и безапелляционно указываем на ошибки государственных и политических деятелей недавнего прошлого, громогласно выносим им безоговорочные приговоры, не задав себе вопросов: насколько **сомасштабны** мы своими умами и силой воли с этими людьми? Как действовали бы мы, окажись на их месте? Лучше? Гораздо лучше? Вы уверены в этом?!! О том, что каждый человек имеет право на свою «кочку зрения», спорить не стоит. Имеет. Но насколько близка она к истине — все дело в этом.

Вот Иосиф Виссарионович Сталин, фигуру которого в наших рассуждениях о Великой Отечественной войне обойти совершенно невозможно. Он кто? Одни говорят: тиран, кровопийца, другие — гениальный руководитель и полководец. Попробуем избежать крайностей, постараемся уйти от оголтелости и бездумности.

Хочу, чтобы молодые люди, которым прежде всего адресована эта статья, сами порассуждали и по данному поводу. Прежде чем говорить о теме, попробуем хотя бы схематично очертить обстановку и атмосферу, в которой жили люди и руководители нового государства после окончания Гражданской войны до начала Великой Отечественной.

Становление нового общественного строя долгое время сопровождалось острейшими внутривнутрипартийными схватками отдельных личностей, групп и блоков внутри Всероссийской коммунистической партии (большевиков). Все они в той или иной степени расходились в теоретических взглядах, а также в подходах к построению нового государства и общества поначалу с Лениным, а потом долгие годы — со Сталиным, претендовали, по крайней мере, на какую-то долю власти, а то и на власть в целом.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

Дело, однако, не сводилось лишь к политической оппозиционной борьбе. Главной оказалась задача накормить население городов и сел, обеспечить его товарами хотя бы первой необходимости. И это оказалось труднее всего.

Гражданская война разрушила все отрасли хозяйственной жизни России, пощадив поначалу лишь самые отдаленные и глухие края. Она захватила и таежную Сибирь, и Дальний Восток, и северные места огромной России. Пострадала городская промышленность, которая в царской России только начинала развиваться.

Но большей всего Гражданская война ударила по **сельскому хозяйству**, по **хлебозаготовкам**. Целых четыре года из-за этой войны поля засеивались далеко не все, либо не вовремя, либо совсем не засеивались — из-за боев. Уже созревший урожай то уничтожался в ходе сражений, то его не успевали собрать, обмолотить зерно. Часть урожая выбивали дожди или он уходил под снег, часть обмолоченного укладывали в скирды. Ко всему прочему, в ряде губерний России случился неурожай. Все торговые связи были нарушены. И вот с прилавков магазинов, в том числе в Петербурге и Москве, стал исчезать хлеб, который, как издревле говорят на Руси, «всему голова», а за ним и другие продукты. По России забродил поначалу призрак, а потом и во всем его ужасе — голод.

20 июля 1920 г. В. И. Ленин подписал постановление Совета народных комиссаров «**Об изъятии хлебных излишков в Сибири**». В нем говорилось: «Рабочие, Красная Армия и крестьянство потребляющих губерний советской России испытывают продовольственную нужду. Неурожай текущего года в ряде губерний грозит еще ухудшить продовольственное положение трудящихся. В это время в Сибири насчитывается до

сотни миллионов пудов хлеба, собранного в прежние годы и лежащего в кладях и скирдах в не обмолоченном виде. Крестьянство Сибири, перенесшее колчаковщину и на горьком опыте убедившееся, что, не взявши власти в свои руки, рабочие и крестьяне не в состоянии обеспечить себе ни земли, ни воли и раз навсегда избавиться от политического и экономического гнета, должно пойти на помощь голодающим рабочим и крестьянам потребляющих губерний, дать им то, чего у них много и что лежит без всякого употребления, подвергаясь опасности порчи и гниения.

Ввиду изложенного Совет народных комиссаров, во имя доведения до победного конца тяжелой борьбы трудящихся с их вековыми эксплуататорами и угнетателями, постановляет в порядке боевого приказа:

«1. Обязать крестьянство Сибири немедленно приступить к обмолоту и сдаче всех свободных излишков хлеба урожая **прошлых лет** с доставкой их на станции железных дорог и пароходные пристани [...]

4. Виновных в уклонении от обмолота и от сдачи излишков граждан, равно как и всех допустивших это уклонение ответственных представителей власти, карать конфискацией имущества и заключением в концентрационные лагеря как изменников делу рабоче-крестьянской революции.

5. В целях облегчения обмолота маломощными хозяйствами и семьями красноармейцев: а) обязать военпродбюро Всероссийского центрального совета профессиональных союзов при содействии главкомтруда привлечь и направить для продработы в Сибирь продовольственные отряды в составе 6000 рабочих; б) обязать Наркомтруд мобилизовать и направить в распоряжение сибирских продорганов до 20 000 человек, организованных в уборочные дружины [...]¹

7. В целях обеспечения полного обмолота и сдачи **хлебных излишков** вменяется в обязанность начальнику войск ВОХР выполнить в срочном порядке полностью предъявленное Наркомпродом требование **на вооруженную силу для Сибири (в количестве 9000 штыков и 300 сабель)**, причем отряды должны быть обмундированы и полностью укомплектованы и представлены не позднее 1 августа с. г.

8. Конечным сроком обмолота и сдачи всех излишков **от урожаев прошлых лет** установить 1 января 1921 года [...].

Председатель Совета народных комиссаров В. Ульянов (Ленин)
Управляющий делами В. Бонч-Бруевич
Секретарь А. Фотиева»

(Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ). Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 14751. Л. 6) (Сибирская Вандея, 2001: 6–7; здесь и далее в цитатах выделено нами. — *И. И.*).

Действия продотрядов и частей Красной армии по сбору излишков хлеба в областях Сибири превратились в трагическую страницу отечественной истории. По сути дела, «продразверстка» вызвала новую волну Гражданской войны. Излишки действительно были, но далеко не в каждой крестьянской семье. Кулаки, имевшие лишний хлеб, не хотели отдавать его. Бойцы продотрядов иногда действовали грубо, преступно использовали силу, не объясняя порой даже, почему введена продразверстка.

Всеобщее возмущение крестьян, особенно зажиточных, использовали офицеры разбитой армии Колчака, прятавшиеся в лесах и глухих таежных деревнях. Их штаб, работавший подпольно в Томске, начал создавать (и создал) Сибирский фронт, в армии и дивизии которого вступали бывшие колчаковцы, зажиточные крестьяне. От-

ряды этой армии проводили также мобилизацию бедняков. Под страхом расстрела. И они были вынуждены воевать на стороне этой армии. Некоторые отряды Сибирского фронта насчитывали до 2–3 тыс. повстанцев.

Приведу всего два документа из сборника «Сибирская Вандея», изданного в 2001 г., говорящих о зверствах, которые творились с обеих сторон — как «продотрядовцев», так и «повстанцев».

«Документ № 271.

ВОЗЗВАНИЕ ПОВСТАНЧЕСКОГО ШТАБА ЛАПУШИНСКОЙ ВОЛОСТИ
КУРГАНСКОГО УЕЗДА

[с. Лапушинское]

15 февраля 1921 г.

Товарищи!

Больше года как мы — трудовое крестьянство Сибири — томились под игом коммунизма. Они, не давшие нам ничего, кроме крестов и расстрелов, отобрали у нас хлеб, мясо, шерсть, кожи и почти все, что мы имеем, заставили нас, не знавших никогда голода, — голодать. Они, не признававшие Бога, хотели и детей наших заставить забыть Его. Они — враги наши.

Кто был в их партии? Одни воры, вечные лентяи и грабители и вообще самый негодный элемент.

Кто был их вождем? Жид Троцкий, а все жида с Рождества Христова — враги православного люда.

Товарищи, записывайтесь в Народную армию добровольцами.

Ваша воля, ваша свобода в ваших руках.

Все на борьбу с коммунистами.

С нами Бог — вперед!

(Лапушинский штаб Народной армии.

ГАКО. Ф. р. 567. Оп. 1. Д. 1. Л. 85. Машинописный подлинник.

Цит. по: Сибирская Вандея, 2001: 187;

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 140. Л. 2. Машинописная копия).

А вот выдержка из доклада командира 85-й стрелковой бригады Н. Н. Рахманова помглавному по Сибири В. И. Шорину «Операция по подавлению повстанческого движения в Тюменской губернии за время с 10 февраля по 24 марта 1921 года»:

«г. Омск

14 апреля 1921 г.

...Кулачество, попы, кооператоры, лесничие, разные отбросы старого режима, колчаковцы, спрятавшиеся по глухим деревням, сумели разьяснить и убедить крестьян, что главным врагом, причиняющим лишения крестьянам, является коммуна, коммунистическая партия. В результате этой агитации вся ненависть восставших крестьян пала на коммунистов, произошли дикие расправы с коммунистами, не успевшими спастись бегством, избиения их семей, аресты жен и детей, до самого последнего времени сидевших при волостных каталажных камерах. В Омустинском районе повстанцы подвешивали женщин и детей, у беременных женщин разрезали животы, и все это затем, чтобы в корне истребить семя коммуны. В том же районе были изнасилованы телеграфистки и учительницы, убивались не только коммунисты, но и все, имевшие интеллигентный вид, носившие очки. Все члены союза коммунистической молодежи были арестованы и заключены также в каталажки...» (Сибирская Вандея, 2001: 642–643).

Бои между отрядами Сибирского фронта и Красной армией продолжались с конца августа до конца декабря 1921 г., когда повстанцы были полностью разбиты. За происходящим в Сибири внимательно следило Политбюро ЦК ВКП(б). Вот еще один документ (№ 644) из сборника «Сибирская Вандея».

«Выписка из протокола № 3 заседания Политбюро ЦК РКП(б)

[г. Москва]

21 марта 1921 г.

Присутствовали: В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, А. Б. Каменев, В. М. Молотов, М. И. Калинин, К. Б. Радек, М. П. Томский.

<...>

Слушали: Просьбу И. Н. Смирнова разрешить ему приехать с докладом в Москву.

Постановили: Разрешить при условии, чтобы поездка тов. Смирнова не совпала с поездкой тов. Шорина и чтобы их поездки в Москву не отразились на борьбе с повстанцами.

Секретарь ЦК В. Молотов» (там же: 444).

В. И. Ленин ввел новую экономическую политику (нэп). Ситуация с хлебом и продовольствием стала понемножку улучшаться. Но все годы проблема хлебозаготовок и голода оставалась самой острой. Порой страна была на грани катастрофы.

Однажды Сталин признал, что борьба с крестьянством была для него более страшным испытанием, чем даже Вторая мировая война. В воспоминаниях Черчилля приводится его беседа со Сталиным 15 августа 1942 г. «Скажите мне, — спросил Сталина Черчилль, — на Вас лично так же тяжело сказываются тяготы этой войны, как проведение политики коллективизации?» — «Ну нет, — ответил на это Сталин, — политика коллективизации была страшной борьбой». — «Я так и думал, что Вы считаете ее тяжелой, — отреагировал тут же Черчилль, — ведь Вы имели дело не с несколькими тысячами аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей». — «С 10 миллионами, — сказал Сталин, подняв руки. — Это было что-то страшное. Это длилось четыре года...» (Вторая мировая война ... , 1990: 178–179).

Вторая половина 1920-х и первая половина 1930-х годов — чрезвычайно сложный этап развития СССР, а для множества людей и целых семей — трагический период жизни.

Надо принимать во внимание самое главное: едва народившийся новый общественный строй только-только начинал свою жизнь, делал первые попытки встать на ноги в крайне неблагоприятных, опасных внешних обстоятельствах и чрезвычайно неустойчивом, болезненном состоянии самого его организма. **Речь еще шла о его выживании, быть ему или не быть вообще.**

В 1927 г. народное хозяйство в основном было восстановлено, уровень производства 1913 г. превышен. Казалось, жизнь налаживается.

Но СССР вставал на ноги во вражеском окружении, отставая от передовых государств на многие десятилетия. В стране практически не было тяжелой промышленности. Между тем руководители США, Европы и Советского Союза понимали, что будущая война станет **войной моторов** — танков, самолетов, надводных кораблей и подводных лодок. Случись нападение на СССР в тот момент, вероятнее всего, он был бы повержен.

В начале 1931 г. Сталин пришел к выводу о необходимости ввиду внешнеполитических обстоятельств ускорить укрепление оборонного потенциала страны. В феврале

1931 г. Сталин заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (Бондаренко, Ефимов, 2011: 38).

Новую экономическую политику с ее регулируемым рынком пришлось сворачивать. На повестку дня были поставлены задачи **ускоренной индустриализации** и второго этапа коллективизации, создание плановых основ народного хозяйства. **Категорическим императивом дня стал фактор времени.** «Время, вперед!» — таким стал лозунг тех дней. «Мы обгоняем пространство и время, мы — молодые хозяева земли!» — это слова одной из самых популярных песен тех лет, гремевшей ежедневно по радио.

В октябре 1928 г. был дан старт первой пятилетке — пятилетнему плану, который выполняли сверхфорсированно — за четыре с половиной года, а то и быстрее. В годы первой пятилетки были достигнуты значительные успехи в области индустриализации: построены 1500 крупных предприятий и созданы целые отрасли промышленности, которых не было в царской России, — станкостроение, автомобилестроение, тракторостроение, химическая и авиационная промышленность. Крупные индустриальные очаги возникли в бывших национальных окраинах царской России. Началось строительство второй топливно-металлургической базы на Урале и в Сибири.

Все, кто стоял на позициях социалистической революции и ускоренного развития тяжелой промышленности, понимали: если в кратчайшие сроки Россия из страны лопотной не превратится в страну электрическую, индустриальную; из страны фактически безграмотной — в страну знаний, страну культа знаний; если не будут наполнены прилавки магазинов хлебом, продуктами и товарами; если все это не будет сделано не только ускоренно, но и **разом, одновременно**, за несколько коротких лет, — новый общественный строй не выживет, рухнет под напором либо внешних, либо внутренних сил, либо под их объединенными усилиями.

Но зачем «ускоряться» бывшим нэпманам и прочей мелкой буржуазии, которой этот «новый строй» был поперек горла? Куда торопиться представителям многих слоев населения, тем же зажиточным крестьянам, религиозным служащим, ученым, писателям? Не в традиции русских — новаторство, торопливость. Отсюда брало корни и вырастало идейное **противостояние и противоборство** двух стратегических линий развития страны — революционной и эволюционной («постепеновцы»). Отсюда — тихая холодная гражданская война, которая продолжалась в СССР, и прежде всего в России, по правде говоря, десятилетиями. Отсюда разного рода **«группировки», и блоки, и заговоры.** Отсюда же — политические и классовые репрессии как выражение нетерпения и нетерпимости к тем, кто стоял на пути «ускоренного» развития социализма во всех ипостасях общественного устройства: экономике (индустрия и сельское хозяйство), культуре, военном строительстве.

Благо это или беда, но власть и все инструменты насилия были в руках революционеров, стоявших на стороне Сталина как главного проводника этого курса. В 1930 г. ОГПУ зафиксировало 13 745 массовых выступлений крестьян (Сталин и Каганович ..., 2011: 13)², жертвами голода 1931–1932 гг. стали не менее 4 млн человек (там же: 15), тысячи крестьян были приговорены к расстрелу (там же: 13). Острокризисную, критическую для существования советской власти ситуацию удалось удержать только с помощью репрессий.

Все более усложнялось положение дел в сельском хозяйстве. Страну по-прежнему кормили хлебом не колхозы, а в основном зажиточные крестьяне — кулаки. Но в ее центральных районах год за годом были низкие урожаи. Кулаки и «средняки» стали

придерживать продажу хлеба государству. Для миллионов людей городов и сел снова, как и в 20-е годы, возникла угроза голода, а в некоторых районах страны он стал жестокой реальностью. Крестьяне бежали в города, где рабочие, служащие и другие категории населения получали хлеб от государства (там же: 15).

В 1931 г. урожай в СССР пострадал в результате серьезной засухи в основных зерновых регионах. В результате сбор зерна в 1931 г. был существенно ниже, чем в предыдущем, 1930 г. (там же: 31). Распространение голода заставило правительство «разрешить крестьянам и колхозам после выполнения государственных поставок продавать оставшуюся продукцию по ценам, которые складывались на рынке». Политбюро ЦК ВКП(б) осудило сплошную коллективизацию. Увеличилось снабжение деревни товарами широкого потребления. Принимались и другие положительные для села и города решения, но кризис в стране нарастал, главным фактором было **расширение зоны голода.**

Урожай 1932 г. был хуже, чем плохой урожай 1931 г. (там же: 132). Особо тревожное положение сложилось на Украине. Сталин 11 августа 1932 г. писал Кагановичу: «Самое главное сейчас — Украина. Дела на Украине идут из рук вон плохо» (там же: 273). Еще раньше, 25 июля, он шифровкой писал в ЦК о «частичном сокращении плана хлебозаготовок» для «особенно пострадавших колхозов и индивидуалов Украины» (там же: 244). В письме говорилось о стимулировании озимых посевов и вообще осенних работ.

Предлагалось выделить Украине 30–40 млн пудов зерна для осенних посевных работ, пострадавшим колхозам снизить план хлебозаготовок на 50%, а индивидуалам — на одну треть или одну четверть (там же: 245). В письме от 11 августа Сталин писал: «Поставить себе целью превратить Украину в кратчайший срок в настоящую крепость (выделено Сталиным. — *И. И.*) СССР, в действительно образцовую республику. Денег на это не жалеть» (там же: 274).

В августе 1933 г. Сталин на поезде, пароходах и автомобиле объехал несколько регионов страны. **Высшая точка социально-экономического кризиса, охватившего СССР, была позади.** Весенний сев прошел нормально. **Урожай был значительно лучше,** чем в предшествующие два года. Для ряда областей и регионов, где урожай был низким, Политбюро снизило планы хлебозаготовок. Существенно увеличилось снабжение хлебом города. Выросли поставки на колхозные рынки. Начиная с июля 1934 г. и далее стали падать цены на продовольствие. Со второй половины года заметно лучше стали работать такие отрасли промышленности, как добыча стали, чугуна и угля. **Стабилизировалась финансовая система.**

1934 г. был самым спокойным из тех 13 лет истории первого в мире социалистического государства, которые начинались в 1921 г. с «большого скачка» до начала Великой Отечественной войны. Именно в этом году появились первые плоды борьбы за ускоренную индустриализацию в течение последних пяти лет. **Все основные отрасли промышленного производства выполнили и перевыполнили план.** И прежде всего пищевая промышленность. Урожай не был выдающимся, но он был лучше урожая 1933 г. Впервые за пять лет увеличилось поголовье крупного и мелкого скота. В 1934 г. хлеба было закуплено даже больше, чем считал Сталин (3,6 млн тонн, или 220 млн пудов), тем не менее он настаивал на том, чтобы хлебозаготовки велись теми же штурмовыми методами. «Вы не представляете, какая катастрофа ждет государство, если мы не закупим все 200 млн пудов хлеба» (там же: 477). Положение дел на селе в 1934 г. не было катастрофичным, но без репрессий не обошлось.

Потеплела политическая обстановка. XVII съезд партии утвердил переход от **чрезвычайной политики кризисного периода** к умеренному курсу. В конце 1934 г. была отменена **карточная система** на хлеб. Снижился уровень репрессий. Проведена реформа судебной системы.

После долгих и трудных лет коллективизации закончилась борьба с кулачеством «как классом», который стоял на пути создания колхозов, организовывал крестьянские волнения и восстания. Значительные **уступки были сделаны крестьянству** на Втором съезде колхозников-ударников, состоявшемся в феврале 1935 г. Вскоре эти уступки были утверждены правительством в качестве закона, давшего гарантию на **ведение и расширение личных подсобных хозяйств**. Это быстро улучшало жизнь крестьян и продовольственное положение в стране в целом. Государственные закупки зерна выросли. И все же, как видно из переписки Сталина с Кагановичем, в этот период задача создания продовольственного резерва их волновала чрезвычайно (там же: 592, 600, 601).

Зерновые фонды с 1 июля 1935 г. по 1 июля 1936 г. увеличились с 6,55 до 9,92 млн тонн (там же: 521). И это оказалось крайне важным, поскольку в 1936 г. страну постиг очередной неурожай (там же: 601). Благодаря сделанным резервам удалось избежать «большого голода».

Стоит заметить, что в 1935 г. Сталин, как и прежде, думал о подготовке к будущей войне и занимался ею. 4 октября 1935 г. он писал Кагановичу и Молотову: «...было бы лучше 60 мил. пудов из нефонда (неприкосновенного фонда. — *И. И.*) отложить для запада от Карелии до юга Украины, дислоцировав этот хлеб в прифронтовых районах по указанию военведа, другие 60 мил. пудов — для Дальнего Востока с дислокацией по указанию военведа, остальное же 260 мил. пудов сосредоточить в областях Московской, Калининской, Курской, Воронежской и Харьковской, откуда легче перебросить хлеб **в прифронтовые районы в случае войны на Западе** или снабжать хлебом промцентры Москвы, Ленинграда, Донбасса в случае большого недорода» (там же).

Самым успешным из всех 1930-х годов для индустриального развития страны был 1936 г. За исключением угольной и нефтяной все отрасли промышленности быстро прогрессировали. По официальным данным, продукция тяжелой индустрии увеличилась на 30%. **Производство вооружений**, согласно современным подсчетам, возросло, по крайней мере, **на 60%**. Такие темпы резко контрастировали с 1935 г., когда военные отрасли отставали от остальной промышленности **в связи с трудностями перехода на новые технологии**.

Почти таким же высоким, как и рост тяжелой индустрии, был прирост производства предметов потребления — на 27%. **Это был год роста уровня жизни** немалой части городского населения. И хотя из-за неблагоприятных погодных условий урожай 1936 г. был очень плохим, благодаря запасам, сделанным в предыдущий период, **массового голода удалось избежать** (там же: 619).

Более сбалансированная экономическая политика, однако, парадоксальным образом сопровождалась нарастанием репрессий и чисток. На самом деле, думаю, в этом не было парадокса, напротив, имела своя логика: именно успехи в индустриализации, завершение коллективизации, повышение жизненного уровня населения и его образование выбивали у оппозиции последние козыри в борьбе за власть. Овладеть ею оставалось все меньше шансов. В этой ситуации у оппозиционеров оставалось только два варианта: либо отказаться от своих взглядов и дальнейшей борьбы, заявив

об этом во всеуслышание (как увидим, далее так и делали многие), либо идти до конца, использовать заговоры и террор.

В то же время Сталин и его окружение, видя, что они побеждают своих оппонентов одного за другим силовыми методами, все больше использовали именно их. «Расстрельная психология» овладела душами сотен тысяч людей еще в ходе Гражданской войны со стороны как «красных», так и «белых»: ценность человеческой жизни упала до последней степени.

Конечно, обстановка коренным образом изменилась: одно дело — быть в ситуации, когда либо ты убьешь, либо убьют тебя. Теперь вокруг были свои, вчерашние товарищи по борьбе. Однако теперь предметом борьбы были власть и различие во взглядах по поводу того, как строить новое общество и государство. Стремление к власти исподволь лишало борющихся прирожденных добродетелей и разжигало в их душах темные чувства и силы. Тех же, кто власть уже получил, она превращала в заговорщиков и тиранов. Тиран у кормила власти довольно скоро приходит к мысли о том, что главное в управлении людьми — это личная безопасность и сохранение власти.

СТАЛИН И ОППОЗИЦИОНЕРЫ

Рассуждая отвлеченно, можно смело утверждать, что оппозиция совершенно необходима. Поэтому она существовала во все времена и существует ныне даже при самых сильных диктаторах, хотя бы подпольно. Оппозиция нужна для того, чтобы власть не сошла с ума от самодовольства. Другое дело, что оппозиция, как правило, обещает народу то, чего она, зная об этом загодя, не сможет выполнить. Я не представляю правительства, которое любит оппозицию. Оно терпит ее, пока та только лает, но не кусает. Если же от оппозиции начинает исходить реальная опасность, власть душит ее как только может...

В марте 1922 г., еще при жизни больного Ленина, Пленум ЦК ВКП(б) избрал И. В. Сталина Генеральным секретарем ЦК. Вся власть в стране — и партийная, и государственная — оказалась фактически в его руках. Наблюдая за деятельностью Сталина более полугодя, безнадежно больной Ленин понял это и написал «Письмо к съезду» («Политическое завещание»), в котором говорится: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках **необъятную власть**, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба **против ЦК** в связи с вопросом о НКПС, отличается не только **выдающимися способностями**. Лично он, пожалуй, самый **способный человек** в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно» (Ленин, 1964: 343–346).

Ленин не фантазировал и не пророчествовал: он точно знал, что Сталин и Троцкий уж давно — непримиримые враги, смертельно ненавидящие друг друга, и, стало быть, раскол в партии не «может» наступить, а наступит неизбежно и вскоре. «Наградив» Троцкого званием «самого способного человека в ЦК» с «выдающимися способностями», Ленин поднес огонь к тлевшим фитилям заряда вражды в сердцах обоих вождей.

Нынешним молодым людям, как, впрочем, их отцам и матерям, даже имена Ленина и Сталина говорят не так уж много, они знают о них (если знают) нечто самое об-

щее. Тем более — о Троцком. Между тем фигуры этих трех профессиональных революционеров в истории Октябрьской революции 1917 г., Гражданской войны и строительства нового социалистического государства и нового уклада общественной жизни имели решающее значение.

На первом месте, вне всяких сомнений, находился Ленин — человек выдающегося ума, признанный теоретик революции и социализма, один из главных создателей РСДРП — Российской социал-демократической рабочей партии, расколовшейся на своем Втором съезде на две партии — большевиков и меньшевиков.

Второй фигурой по теоретическому складу ума, роли в буржуазно-демократической революции 1905 г., Октябрьской социалистической революции 1917 г., Гражданской войне был, конечно, Лев Давидович Троцкий (Бронштейн), наделенный, ко всему прочему, сильной волей, жаждой единоличной власти, исключительными амбициями, даром трибуна и оратора, способного зажигать людей и вести их за собой.

Способности Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили) на момент их оценки Лениным проявились еще далеко не в полной мере. Всем было очевидно, что это личность незаурядная, натура властная, волевая, решительная, что это целеустремленный человек практического действия.

Какие чувства испытывал Сталин к Троцкому, а Троцкий — к Сталину, можно понять из телеграммы, которую Сталин направил Ленину еще в ноябре 1918 г. с Южного фронта.

«Председательствующему ЦК партии коммунистов
ЛЕНИНУ

Из Царицына в 18 час. 30 мин. От 3/Х–1918 г.

ТЕЛЕГРАММА

Мы получили телеграфный приказ Троцкого, копию которого и ответ на который Вы, должно быть, уже получили. Мы считаем, что приказ этот, писанный человеком, не имеющим никакого представления о Южном фронте, грозит отдать все дела фронта и революции на Юге в руки генерала Сытина, человека не только не нужного на фронте, но и не заслуживающего доверия и потому вредного. Губить фронт ради одного ненадежного генерала мы, конечно, не согласны. Троцкий может прикрываться фразой о дисциплине, но всякий поймет, что Троцкий не Военный Революционный Совет Республики, а приказ Троцкого не приказ Реввоенсовета Республики...

Отдать фронт в руки не заслуживающего доверия человека, как это делает Троцкий, значит погрязнуть элементарное представление о пролетарской дисциплине и интересах революции... Ввиду этого мы, как члены партии, заявляем категорически, что выполнение приказов Троцкого считаем преступным, а угрозы Троцкого недостойными.

Необходимо обсудить в ЦК вопрос о поведении Троцкого, третирующего виднейших членов партии в угоду предателям из военных специалистов и в ущерб интересам фронта и революции. Поставить вопрос о недопустимости издания Троцким единоличных приказов, совершенно не считающихся с условиями места и времени и грозящих фронту развалом.

Все эти вопросы мы предлагает ЦК партии обсудить на первоочередном заседании...

Член ЦК партии СТАЛИН.

Члены партии МИНИН, ВОРОШИЛОВ» (Ворошилов, 1937: 69–70).

Троцкий оценивал себя чрезвычайно высоко во всех отношениях, особенно после того, как в 1904 г. опубликовал свою первую книгу «Наши политические задачи (тактические и организационные вопросы)». Вскоре эту книгу стали называть «манифестом российского меньшевизма». Цель книги состояла в том, чтобы оспорить основные ленинские идеи. Троцкий считал, что Ленин играл в РСДРП реакционную роль, его отношение к Ленину было откровенно враждебное. Он носился с идеей «перманентной мировой революции», считая, что Октябрьская революция является лишь предвестником общемировой или, в крайнем случае, общеевропейской революции, а сама по себе в России, как отсталой стране, победить не может.

Не стану занимать слишком внимание читателя анализом троцкистских взглядов. Говорю о Троцком прежде всего для того, чтобы показать его высочайшие амбиции и непоследовательность в действиях, а также роль в разжигании оппозиционной борьбы со Сталиным, а в конечном счете и в разрастании масштабов репрессий.

Вернувшись из эмиграции, куда он сбежал из ссылки за участие в революции 1905 г., после почти десятилетней заочной теоретической войны с Лениным Троцкий вдруг переметнулся из стана меньшевиков к большевикам, стал всячески поддерживать Ленина, который тоже писал и говорил о неизбежности мировой революции. Надо отметить, что Троцкий заслужил признательность Ленина. Затем снова стал выступать против него, затем, чтобы снова вернуться к нему, полагая, что «ленинизм» есть разновидность «троцкизма». Не больше и не меньше.

В тот момент, когда Ленин в 1922 г. давал характеристики Троцкому и Сталину в своем «Письме к съезду», вся власть в России принадлежала большевикам. Уходивший из жизни Ленин был Председателем Совета народных комиссаров, на вершине государственной власти. К тому же, как признанный вождь ВКП(б), председательствовал на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б), хотя формально не входил в его состав. Сталин находился на вершине партийной власти. Троцкий же, считавший себя «вторым вождем» после Ленина, по всем углам твердивший о том, что без него Октябрьская революция могла бы и не свершиться (так много он сделал для нее!), занимал должность Председателя Реввоенсовета республики. Высокий пост. Но после неизбежной и скорой смерти Ленина Троцкий само собой оказывался в подчинении Сталина. Эта мысль была для него невыносимой.

Сталин также прекрасно представлял, «что такое» Троцкий: это зверь, гуляющий сам по себе. Подчинения кому-либо он не терпел. Даже Ленину.

Вот пример. В феврале 1918 г. вопреки ленинским требованиям, Троцкий, как комиссар по иностранным делам, **отказался** подписать мирный договор с Германией, настаивая на своем личном тезисе: «ни войны, ни мира». В результате немцы перешли в наступление по всему фронту. Своим упрямством Троцкий поставил страну на грань военной катастрофы. Договор пришлось подписывать через несколько дней, но на гораздо более тяжелых для России условиях. И уже без участия Троцкого. В середине марта Троцкий был назначен народным комиссаром по военным делам, а вскоре и по морским делам.

Через пять месяцев, в начале сентября 1918 г., в самый разгар Гражданской войны и иностранной интервенции, Троцкий получил должность Председателя Революционного Военного Совета Республики. Он успешно справлялся со своими обязанностями. Но был крайне жесток, без колебаний расстреливал подчиненных за незначительные проступки.

И тем не менее Троцкий был чрезвычайно популярен в Красной армии и в среде партийных работников. Не в пример Сталину, которого в то время знали не так широко.

В Красной армии Троцкий насаждал культ своей личности. В 1922 г. в §41 Устава Красной армии была помещена его политическая биография, в заключении которой говорилось: «Тов. Троцкий — вождь и организатор Красной Армии. Стоя во главе Красной Армии, тов. Троцкий ведет ее к победе над всеми врагами Советской республики».

Сталину было известно, что еще при жизни Ленина, в 1923–1924 гг., Троцкого поддерживали почти весь Московский военный гарнизон, почти вся Военная академия, школа ВЦИК, большинство военных частей в других областях страны. Сталин понимал, что такое Красная армия в руках обойденного им и обиженного судьбой Троцкого.

Сила политической власти в руках Сталина против силы авторитета среди военных Троцкого — в этом и была главная интрига неизбежной борьбы двух этих «выдающихся вождей».

Но пока был жив Ленин, Троцкий сдерживал себя.

Троцкий не ограничивал свою деятельность сферой командования Красной армией. Как член Политбюро ЦК ВКП(б), он активно вторгался в вопросы народно-хозяйственного строительства. Но и здесь у него была своя идея — модель так называемого милитаристского социализма, в основе которой лежала мысль о милитаризации хозяйства страны, превращении общества в нечто похожее на фантастически огромную казарму, в которой вся деятельность осуществлялась бы, как в армии, по иерархии «сверху вниз», опиралась бы на принуждение, устрашение.

Стремясь утвердить эту «модель» для практического использования, Троцкий навязал партии еще осенью 1920 г. дискуссию о профсоюзах. Ленин разгромил платформу Троцкого, а также его попытку насаждать на заводах, фабриках и в других организациях свои кадры для того, чтобы с их помощью проводить собственную линию, и прежде всего выступать против ленинских взглядов на построение социализма в СССР. Троцкий по-прежнему рассматривал Ленина как своего единомышленника, вставшего на позиции его теории «перманентной революции».

В 1924 г. Троцкий написал книгу «Уроки Октября», которая дала толчок очередной дискуссии в партии. Споры были жестокими и свелись в основном к оценке ленинского идейно-теоретического наследия и дооктябрьского поведения Троцкого, когда он открыто и враждебно противостоял Ленину; а главное — к сталинской идее «о возможности построения социализма в одной отдельно взятой капиталистической стране», в данном случае — в России.

В январе 1925 г. Пленум ЦК ВКП(б) освободил Троцкого от должности Председателя Реввоенсовета республики. В октябре 1926 г. на объединенном Пленуме ЦК ВКП(б) и ЦКК ВКП(б) Троцкий был выведен из состава Политбюро ЦК. В октябре 1927 г. на объединенном Пленуме ЦК ВКП(б) и ЦКК ВКП(б) Троцкий был исключен из состава ЦК ВКП(б), а 14 ноября — за организацию демонстраций сторонников оппозиции в Москве и Ленинграде, на которой демонстранты несли лозунги против правительства и Сталина, — исключен из партии.

В несколько измененной словесной форме Троцкого поддерживали Зиновьев и Каменев — руководители созданной еще в середине 1920-х годов «объединенной левой» оппозиции.

17 ноября 1927 г. они опубликовали в «Правде» свои тезисы для обсуждения их перед XV съездом ВКП(б). Основные идеи «левого» блока сводились к необходимости форсированного нажима на кулака и нэпмана, что противоречило избранному

Сталиным курсу на фермерско-капиталистическое развитие села. Курс этот не оправдал себя.

Да, запасы хлеба у кулака и середняка росли, но они по-прежнему предпочитали спекулировать им, нежели отдавать государству. Оппозиционеры указывали также на недостатку промышленных товаров, медленное развитие индустриализации. В тезисах оппозиции говорилось о необходимости изменения всей хозяйственной политики, перегруппировки сил в руководстве партии и государства. Это был **ответ оппозиционеров на выступление Сталина**, в котором он обвинял Зиновьева и Каменева в том, что они предлагают перейти к политике раскулачивания, что, по его мнению, по сути дела, означало «восстановить Гражданскую войну в деревне» (Сталин, 1949: 196–197). Тезисы оппозиции содержали очевидную **направленность на отстранение от власти Сталина и его сторонников и приход во власть новых сил**.

25 мая 1927 г. ЦК ВКП(б) получил «Заявление 83-х», написанное группой «старых» большевиков, в котором отмечались серьезные достижения восстановительного периода, но наряду с этим говорилось, что в эти же годы в стране наметились большие трудности. «Эти трудности, вырастающие из недостаточного развития производительных сил, из нашей хозяйственной отсталости, усугубляются скрыванием их от широких партийных масс. Вместо марксистского анализа действительного положения пролетарской диктатуры в СССР, партии преподносится неверная, мелкобуржуазная “теория социализма в одной стране”, не имеющая ничего общего с марксизмом, ленинизмом. Это грубое отступление от марксизма приводит к тому, что партии труднее видеть классовое содержание происходящих экономических процессов». В многостраничном тексте этого «Заявления» говорилось также, что **установившийся за последнее время внутрипартийный режим приводит к громадному понижению активности партии, этой руководящей силы пролетарской революции**. Заканчивалось «Заявление» словами: «Мы не сомневаемся, что изложенная в этом документе точка зрения разделяется большей частью нашей партии, в особенности — рабочей частью. Кто знаком с подлинными настроениями рабочих, членов нашей партии, тот знает, что это так».

Нельзя было не заметить, что дух Троцкого и его идей витал между строками этого документа. И Сталин, конечно, заметил это.

В 1926–1927 гг. Троцкий объединился со своими недавними противниками, Зиновьевым и Каменевым, в единый блок.

«Почему требуется теоретическое признание построения социализма в одной стране? — спрашивал Троцкий на XV партконференции 1927 г. — **Откуда взялась эта перспектива? Почему до 1925 года никто этого вопроса не выдвигал?**» (XV конференция ... , 1927: 533).

Данную идею выдвинул И. В. Сталин. Троцкому это было хорошо известно. Три вопроса, заданные Троцким, были открытым **вызовом Сталину**.

Однако на этом борьба Троцкого против Сталина не закончилась. Только теперь он действовал тайно. Вот что пишет Троцкий в своей книге «Моя жизнь»: «В разных концах Москвы и Ленинграда происходили тайные собрания рабочих, работниц, студентов, собиравшихся в числе от 20 до 100 и 200 человек, для того, чтобы выслушать одного из представителей оппозиции. В течение дня я посещал две-три, иногда четыре таких собрания» (Троцкий, 1990b: 277). По словам Троцкого, в ходе предсъездовских дискуссий на таких собраниях только в Москве и Ленинграде побывало около 20 тыс. человек. Причем правилом было недопущение на собрание представителей ЦК ВКП(б) и ЦКК ВКП(б).

* * *

В начале 1928 г. Троцкий был отправлен в политическую ссылку в Алма-Ату, где он продолжал оппозиционную деятельность. Только за апрель — ноябрь 1928 г. им было получено около 1000 писем и 700 телеграмм. В ответ он отправил своим сторонникам 800 писем и 500 телеграмм (Троцкий, 1990а: 49). Уже по этим цифрам можно судить о том, какое огромное количество троцкистов находилось в стране. Ведь люди, отправлявшие письма и телеграммы, не могли не знать, что за связями Троцкого следило ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР), и, следовательно, они подвергали себя опасности. В то же время в высших эшелонах партийной власти и в партийных организациях начался значительный отток приверженцев Троцкого и «объединенной левой» оппозиции.

В декабре 1928 г. в Алма-Ату прибыл специальный уполномоченный ОГПУ, который вручил Троцкому ультиматум. В нем содержалось требование прекратить руководство «левой» оппозицией. Троцкий категорически отказался его выполнять. В ответ на это 18 января 1929 г. коллегия ОГПУ приняла решение выслать Троцкого за пределы СССР. В 1932 г. Верховный Совет СССР лишил его и тех членов его семьи, которые выехали с ним, советского гражданства. Началась новая полоса в жизни и деятельности Троцкого — его третья политическая эмиграция.

До 1933 г. Троцкий жил в Турции близ Стамбула, затем переехал во Францию, потом в Норвегию и, наконец, с 1937 г. обосновался в Мексике.

Находясь в эмиграции, он не прекращал борьбы со Сталиным. В 1932 г. Троцкий писал: «Сталин завел нас в тупик. Нельзя выйти на дорогу иначе, как ликвидировать сталинщину... Надо, наконец, выполнить последний настоятельный совет Ленина: **убрать Сталина**» (Троцкий, 1990а: 53).

В целях этой борьбы Троцкий много писал, публиковался, создавал в различных странах троцкистские организации. В феврале 1933 г. такие организации существовали уже в 9 странах, они располагали 32 периодическими органами в 16 странах, издавались на 15 языках (там же: 52).

При этом первостепенное значение Троцкий уделял руководству троцкистской организацией и объединенным блоком «левой» оппозиции в СССР.

Стоит ли говорить, что теоретические атаки Троцкого на идею Сталина о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране, его настойчивые советы «убрать», т. е. убить, Сталина, продолжающиеся пустопорожние, но возбуждающие малограмотное население дискуссии о «перманентной революции» очертели Сталину, который, надо признать, милостиво обошелся со своим непримиримым и смертельным врагом, отправив его в эмиграцию. В 1938 г. терпение Сталина окончилось. Он поручил председателю Народного комиссариата внутренних дел РСФСР (НКВД) Н. И. Ежову и его заместителю Шпигельгазу убить Троцкого. Но Шпигельгаз не смог выполнить это задание.

Видный работник НКВД П. А. Судоплатов рассказывает, как в начале марта 1939 г. новый председатель НКВД А. П. Берия и он отправились в Кремль на встречу со Сталиным.

На встрече Берия посетовал Сталину на то, что Троцкий и его сторонники «сильно мутят воду» среди деятелей либерального толка, и предложил нанести решительный удар по центру троцкистского движения за рубежом, а ответственным за проведение этих операций назначить Судоплатова. И здесь, как вспоминал Павел Анатольевич

вич Судоплатов, слово взял Сталин: «Он, в частности, заявил: “В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена. Устранение Троцкого в 1937 году поручалось Шпигельглазу, однако тот провалил это важное правительственное задание”». Затем, чтобы у Павла Анатольевича не возникало сомнений на сей счет, Сталин категорически потребовал: «Троцкий, или как вы его именуєте в ваших документах “Старик”, должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению в случае нападения империалистов на Советский Союз» (цит. по: Лузан, 2010: 120).

Первая попытка 23 мая 1940 г. уничтожить Троцкого, который жил в доме с трехметровым забором, обтянутым колючей проволокой под электрическим током, под охраной 10 полицейских и с телохранителями на территории и внутри дома, почти удалась. Бойцы интербригад: испанцы, мексиканцы, бразильцы, возглавляемые знаменитым мексиканским художником и коммунистом Д. Сикейросом, штурмом взяли «крепость» Троцкого, но его, запершегося в одной из комнат, убить не успели: на удивление быстро прибыла полиция. Сикейроса арестовали.

Состоялась вторая встреча Берии и Судоплатова со Сталиным. По воспоминаниям Павла Анатольевича, тот встретил их на удивление спокойно и, несмотря на неудачу, не стал распекать, а подтвердил неизменность своего решения. «Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет бросать деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с левыми кругами за рубежом, — заявил Сталин и затем потребовал: — Приступите к выполнению альтернативного плана» (там же: 125).

План был весьма хитроумным, требовал времени. Совершить покушение должен был молодой испанец, лейтенант Рамон Меркадер. В ходе подготовки операции ему пришлось дважды изменить имя и фамилию, завести роман с секретаршей Троцкого. Но 21 августа 1940 г. все средства массовой информации сообщили сенсационную новость: вчера, 20 августа, тяжело ранен лодорубом в голову и вскоре умер Лев Троцкий. Покушавшийся — Фрэнк Джексон (ложная фамилия Р. Меркадера). Мотив убийства — чисто личный, чувство ревности (там же: 128–129)³.

Я остановился столь подробно на фигуре Троцкого, потому что, как и предвидел Ленин, после его смерти ВКП(б) фактически разделилась на два непримиримых политических течения. Однако «от попыток взорвать ВКП(б) изнутри», «от фракционной борьбы внутри ВКП(б) троцкистская оппозиция перешла к созданию второй партии, к уличной борьбе и к открытым антисоветским выступлениям» (Пятнадцатый съезд ... , 1962: 1064)... Между тем сторонники сталинского курса считали не иначе как «троцкистами» и старых «большевиков-ленинцев», составлявших основу «левой оппозиции», которая имела свои обоснованные программные взгляды по всем направлениям социалистического строительства. Но по многим принципиальным позициям они находились в противоречии со сталинской политикой и потому, по его логике, мешали строить новое общество. Сталин не был склонен к теоретизированию и сам говорил об этом. Он действовал, исходя из конкретной и изменчивой экономической и политической ситуации, методом проб и ошибок, был вынужден постоянно лавировать.

Чтобы кормить население страны, нужно было получать от деревни продукты, и прежде всего хлеб, действуя, однако, так, чтобы «не перегнуть палку», не поднять

крестьянство на новую гражданскую войну. И Сталин то «налегал» на крестьянство, на «средняка», и прежде всего на кулачество, составлявшее не более 10% деревенского населения, но владевшее более 60% посевных площадей, хлеба, лошадей, скота, птицы и скудной сельхозтехники. В такие моменты он смыкался с «левыми». То умиротворял деревню, в том числе «средняков» и «кулаков», разного рода уступками. Тут он принимал сторону «правых».

Однако, кроме вопроса о том, как накормить многомиллионное население городов и сел, существовали и другие, не менее важные и сложные: производство товаров народного потребления, и — самое главное! — развитие тяжелой промышленности, без которой было невозможно создавать современную армию. Для этого были нужны заводы, оборудованные современными станками, машины, домы, выплавляющие чугун и сталь, и т. д. и т. п. Станки и прочее оборудование Советский Союз приобретал в зарубежных странах на валюту. Валюту можно было получить путем экспорта нефти, лесоматериалов, пушнины, льна. В 1932 г. СССР стал крупнейшим импортером станков, машин и другого оборудования для тяжелой промышленности. Темпы индустриализации СССР возрастали с каждым годом. Валюта добывалась и за счет увеличения продажи зерна. Даже в годы голода зерно шло на экспорт: в 1930 г. — 4,8 млн тонн, в 1931 г. — 5,2 млн тонн, в 1932 г. — 1,8 млн тонн, в 1933 г. — около 1 млн тонн (Роговин, 1993: 336).

Надо ли говорить о том, что у людей, относящихся к «верхушке» власти (например, Председателя Совета народных комиссаров, члена Политбюро А. И. Рыкова; Председателя ВЦСПС, члена Политбюро М. П. Томского; ответственного редактора газеты «Правда» Н. И. Бухарина и др.), знавших об этих цифрах продажи зерна, о количестве голодающих и умирающих от голода людей в разных регионах страны, в том числе там, где этот хлеб был возвращен, неизбежно возникали мысли: «А правильно ли мы поступаем? А прав ли Сталин, заставляя нас утверждать такие показатели?!» Но разве это был единственный повод для возмущения у них, а также таких крупных деятелей, как Зиновьев, Каменев и др.?

Еще в начале октября 1922 г. Сталин обвинил Зиновьева и Каменева в том, что они стояли за политику раскулачивания, что, по мнению Сталина, привело бы к «восстановлению Гражданской войны в деревне» (Сталин, 1949: 196–197). XV съезд резко осудил взгляды Зиновьева и Каменева. Они были исключены из партии, а вслед за ними с партийными билетами в течение 1927–1928 гг. за «фракционную работу» расстались несколько тысяч человек.

Спустя некоторое время в газете «Правда» появилось «Открытое письмо», в котором Зиновьев и Каменев сообщали, что они полностью подчиняются всем решениям XV съезда, порвали отношения с группой Троцкого, «капитулировали перед ВКП(б)». Раскаившиеся оппозиционеры рассчитывали при этом на возврат к высоким постам, но Зиновьев был назначен ректором Казанского университета, Каменев — председателем Главконцесскома. Потом будут новые исключения из партии, аресты, помилования, снова аресты и, наконец, в августе 1936 г. Зиновьева и Каменева расстреляют...

Еще более трагичной была судьба лидеров «правой оппозиции». Алексей Иванович Рыков был Председателем Совета народных комиссаров (по-нынешнему — Председателем Совета министров). По логике вещей на вершинах власти он был первой и главной фигурой: в его руках находилась государственная власть. В таком случае не Сталин, а Рыков являлся фигурой номер один в СССР. Так должно было быть. Другое дело, что партия большевиков взяла все бразды правления страной, отдав их в руки

ЦК ВКП(б), а на самом деле — Политбюро, которое могло назначить на должность и освободить от нее кого угодно за что угодно и когда угодно. Председатель СНК СССР назначался Политбюро ЦК и, значит, подчинялся Сталину. Возможно, в первые годы советской власти это было объяснимо и необходимо. В любом случае, А. И. Рыков по своей должности был политическим тяжеловесом.

К этой категории относился и Н. И. Бухарин — признанный в партии теоретик, ее любимец, и, что было крайне важно для Сталина на определенном этапе, — являлся главным идеологом и «первым штыком» в борьбе с Троцким и троцкизмом. В первой половине 1920-х годов, да и позднее, Бухарин был главным разработчиком экономической и социальной политики в стране. В этот период Бухарин и Сталин были едины во взглядах на ситуацию в деревне: Сталин поддерживал идеи Бухарина на умеренное вытеснение кулака с помощью экономических способов, без использования административно-репрессивных мер. Однако неурожай, низкие темпы хлебосдачи, голод, заставили Сталина круто изменить умеренную политику на **политику чрезвычайных мер**. Деревня откликнулась на это очередной волной восстаний, в которых участвовали не только кулаки, но и середняки, неожиданно зачисленные в разряд «классовых врагов». На июльском Пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. Сталин выдвинул тезис об **обострении классово-вой борьбы по мере продвижения к социализму**. Однако эта идея встретила довольно сильное сопротивление со стороны некоторых членов ЦК, в частности члена Политбюро М. П. Томского.

Сталин отстранился от Бухарина, который был не согласен с неожиданными поворотами Сталина в хозяйственной политике, и прежде всего на селе. Он, как Рыков и Томский, стоял за нэп, а Сталин отказывался от него. Бухарин, как и его союзники по «правому уклону», был ошеломлен очередным резким сдвигом сталинской политики «влево». Ради снятия Сталина он решил пойти на переговоры с «левой оппозицией», встретиться с Каменевым, который был его ближайшим товарищем еще с гимназических лет. Такая встреча состоялась 11 июля 1928 г. (Роговин, 1993: 48–49). В долгом и нервном разговоре Бухарин заявил, что ненавидит Сталина, порвал с ним. Бухаринские характеристики Сталина и его политики по своей резкости могли сравниться только с характеристикой Троцким Сталина как «могильщика революции». Бухарин назвал Сталина Чингисханом и беспринципным интриганом, который все подчиняет сохранению своей власти и меняет свои идеи «ради того, кого в данный момент следует убрать». Подчеркнув, что «Сталин знает одно средство — месть и в то же время всаживает нож в спину», Бухарин несколько раз в течение беседы повторил, что Сталин «нас будет резать» (Фельштинский, 1991: 196, 198).

На вопрос «Какова Ваша сила?» Бухарин назвал Рыкова, Томского, Угланова, руководителя московской партийной организации, **добавив к их числу Ягоду** — заместителя председателя ОГПУ. Задачу нового блока Бухарин видел в том, чтобы донести до сознания рядовых и малосведущих членов ЦК ВКП(б) мысль о необходимости **снятия Сталина с должности Генсека**.

Вскоре через Каменева запись беседы была передана им Троцкому. Но, как свидетельствуют документы, раньше всех об этом узнал Сталин: ОГПУ выполнило свои задачи.

Сталин зачислил Бухарина в ряд своих непримиримых врагов, однако боролся с ним скрытно, через речи и доклады, выступления в газетах, извещая партию о том, что существует «правый уклон», суть которого в том, что некоторые партийные и государственные работники выступают против **борьбы с кулаком и против нарастающих темпов индустриализации**.

Между тем по его указанию была осуществлена чистка партаппарата в Москве со снятием нескольких секретарей райкомов партии, первого и второго секретарей Московского комитета. После этого Бухарин, Рыков и Томский подали в отставку, но вскоре отозвали свои заявления, согласившись со сталинским курсом относительно борьбы с кулачеством и повышением темпов индустриализации. Сталин не тронул лидеров «правого уклона», не назвал их имен, но призвал партию к борьбе с «правыми».

Однако 30 ноября 1928 г. на совместном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума Центральной контрольной комиссии Сталин изложил суть разговора Бухарина с Каменевым в присутствии Бухарина, Рыкова и Томского. Схватка была яростной, но «правые» были вынуждены заявить, что прекращают борьбу со сталинским курсом и подают в отставку.

Борьба «тройки правых» трагична.

Н. И. Бухарин в 1929 г. был выведен из состава Политбюро, 8 февраля 1937 г. исключен из партии, 27 февраля арестован и 15 марта 1938 г. расстрелян.

19 декабря 1930 г. А. И. Рыков снят с поста Председателя Совнаркома СССР, а 21 декабря 1930 г. выведен из состава Политбюро. 27 февраля 1937 г. арестован. 15 марта 1938 г. расстрелян.

М. П. Томский, не дожидаясь ареста, застрелился 22 августа 1936 г.

История оппозиционной борьбы не исчерпывается войной с Троцким, схватками с «левым» и «правым» уклонами.

Существовал Союз марксистов-ленинцев во главе с секретарем Краснопресненского райкома ВКП(б) г. Москвы М. Н. Рютиным. Выступая на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 23 февраля 1937 г. с докладом «Дело Бухарина и Рыкова», нарком НКВД СССР Н. И. Ежов охарактеризовал платформу Рютина таким образом: «Рютинская платформа отрицает социалистический характер Советского государства, требует роспуска колхозов и отказа от коллективизации, отказа от линии ликвидации кулачества, от советской индустриализации, предлагает для борьбы против партии и Советского правительства объединить все оппозиционные группы, в том числе троцкистов, зиновьевцев, шляпниковцев, правых, леваков и т. д. и в качестве практических мер откровенно формулирует и предлагает индивидуальный террор, требует так же, как и троцкисты в известном своем письме, — убить Сталина, под этим подразумевают — убить Сталина, предлагает всем своим единомышленникам выпускать листовки, прокламации, организовать забастовки на заводах и требует, наконец, свержения Советского правительства путем вооруженного восстания» (цит. по: Сойма, Комиссаров, 2013: 93–94). Столь же непримиримую позицию по отношению к сталинскому руководству занимала группа децистов, руководимая Т. В. Сапроновым и В. М. Смирновым. Необходимо рассказать о более значимом.

В это трудно поверить, но согласно данным архива Федеральной службы безопасности России (ФСБ РФ), существовал также отдельный (параллельный) заговор **ОГПУ НКВД СССР против правительства, возглавляемый Г. Г. Ягодой**, который начал выстраивать его еще в 1928 г., будучи заместителем председателя ОГПУ, а потом возглавлял его уже в должности наркома НКВД СССР.

Стенограмма допросов Ягоды содержит сотни страниц машинописного текста.

Согласно протоколу допроса №6 от 19 мая 1937 г. Ягода утверждал, что «троцкисты и зиновьевцы слились теперь в одну организацию с единым центром и единой программой. С точки зрения конечных целей мы, правые, ничего своего, что отделяло нас от троцкистов и зиновьевцев, не имеем. Мы так же, как и они, против генеральной ли-

нии партии. Против Сталина»; что командующий Московским гарнизоном «Корк являлся участником заговора правых, но имел самостоятельную, свою группу среди военных, которая объединяла и троцкистов». Что «в конце 1933 г. Енукидзе в одной из бесед говорил мне о Тухачевском как о человеке, на которого они ориентируются и который будет с нами. Но это был единственный разговор о Тухачевском, очень неопределенный, и я опасаясь показывать о нем более определенно». Что «на протяжении 1931–1933 годов внутри Советского Союза был организован единый контрреволюционный заговор против коммунистической партии и против Советской власти по общей программе борьбы за свержение Советской власти и реставрации капитализма на территории СССР. Заговор этот объединил все антисоветские партии и группы как внутри Союза, так и вне его». Что «в заговоре принимали участие следующие партии и группы, которые имели свои собственные организации: 1) троцкисты; 2) зиновьевцы; 3) правые; 4) группа военных; 5) организация в НКВД; 6) меньшевики; 7) эсеры» (цит. по: Сойма, Комиссаров, 2013: 255–256; ЦА ФСБ. Ф. Н-13614. Т. 2. Л. С. 146–167).

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА

Не прошло и десяти лет после окончания Гражданской войны, как в начале 1931 г. на повестку дня Правительства СССР встал вопрос о военных угрозах со стороны зарубежных государств.

В начале 1931 г. советское руководство получило информацию о том, что влиятельные круги в Японии выступают за нападение на советский Дальний Восток. 18 сентября 1931 г. Япония вторглась в Маньчжурию, что стало первым значительным актом агрессии одной из фашистских держав, игравшим, как видно теперь, роль прелюдии ко Второй мировой войне. Советский Союз в это время был еще слишком слабым, чтобы дать отпор Японии, и Сталин предпочитал осторожную политику.

14 сентября, за несколько дней до японского вторжения, Сталин писал Кагановичу: «С Японией нужно поосторожнее. На своих позициях стоять нужно твердо и непоколебимо, но тактика должна быть погибче, поосмотрительнее... Не пришло еще время для наступления» (Сталин и Каганович ... , 2001: 32). На этой позиции Сталин оставался, когда агрессия стала свершившимся фактом (там же: 116).

23 сентября 1931 г. он писал Кагановичу и Молотову: «Вероятнее всего, что интервенция Японии проводится по уговору со всеми или некоторыми великими державами на базе расширения и закрепления сфер влияния в Китае... Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас не целесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились» (там же: 345). Америку Сталин считал сторонницей дележа Китая.

В 1933 г. к власти в Германии пришел Гитлер, влияние которого быстро нарастало в его стране и в Европе. Это не вызвало у Сталина особого беспокойства. Каганович направил Сталину материалы, из которых, по его мнению, следовало, что «фашистские правители вынуждены сейчас маскировать и “смягчать” свое отношение к СССР» (там же).

Правительство СССР проводило переговоры с Польшей о заключении торгового договора, наращивало вооруженные силы на дальневосточной границе.

В конце июня 1933 г. начались переговоры о продаже Японии Китайско-Восточной железной дороги. Японцы предложили цену в 10 раз меньшую, чем установило совет-

ское правительство. В результате возник конфликт. Тогда японцы решили захватить КВЖД силой. Заявление СССР в связи с этим было жестким. Конфликт урегулировали дипломатическими путями.

В марте 1936 г. германские войска вошли в Рейнскую демилитаризованную зону. В июле части испанской армии под командованием генерала Франко подняли мятеж против республиканского правительства Испании, опираясь на поддержку Германии и Италии. В начале сентября Сталин поставил вопрос о поставке оружия и техники в Испанию.

В 1938 г. происходят ожесточенные бои с японцами у озера Хасан, где Красная армия одержала верх, но маршал Блюхер был освобожден от должности командующего Дальневосточным военным округом за серьезные непорядки в войсках.

В мае 1939 г. японские войска нарушили границу Монгольской Народной Республики и стали продвигаться к реке Халхин-Гол. В соответствии с Протоколом о взаимной помощи между СССР и МНР особый корпус Красной армии вступил в Монголию. Вместе с монгольскими войсками японцы были выбиты за пределы монголо-китайской границы.

Нарастала напряженность в советско-финских отношениях. Еще в 1935 г. глава Народного комиссариата иностранных дел СССР М. М. Литвинов в беседе с финским посланником А. Юрье-Коскинемом заметил: «...наши политические отношения с Финляндией не только не особенно дружественны, но даже и не особенно нормальны. Ни в одной стране пресса не ведет так систематически враждебной нам кампании, как в Финляндии. Ни в одной соседней стране не ведется такая открытая пропаганда за нападение на СССР и отторжение его территории, как в Финляндии...» (Сойма, Комиссаров, 2013: 375; АВП РФ. Ф. 010. Оп. 10. П. 60. Д. 147. Л. 13–14).

В сентябре 1939 г. Финляндия провела комплекс мобилизационных мероприятий. 7 октября было объявлено о призыве резервистов. По данным советской разведки, в пограничной зоне Карельского перешейка к 21 октября уже была в основном закончена эвакуация гражданского населения, усиленно продолжалось строительство оборонительных сооружений, «в Терриоки выгружено 8 гаубиц 122 мм... с запада на Виипури [Выборг] движение эшелонов», «Швеция начала поставку большого количества оружия Финляндии через порт Сундвалл на Ваза» (Военная разведка ... , 2008: 200).

Идти на уступки на московских переговорах осенью 1939 г. финская сторона отказалась. О переносе линии границы на Карельском перешейке, чего добивалось советское политическое руководство в целях обеспечения безопасности г. Ленинграда, с точки зрения финнов, речи идти не могло. 13 ноября 1939 г. финская делегация выехала из Москвы в Хельсинки. 28 ноября Советский Союз денонсировал советско-финляндский договор о ненападении 1932 г. Спустя два дня началась кровопролитная война, которая продолжалась 3 месяца и 12 дней и закончилась 12 марта 1940 г. Для советской стороны война принесла новые территории, гарантировавшие безопасность Ленинграда, возможность создания военно-морской базы на острове Ханко, несколько удобных портов, дополнительные энергетические мощности для промышленности.

На заседании государственного совета в день подписания мирного договора с СССР глава МИД Финляндии Вяйне Таннер заявил: «Великая война еще только началась, мы ничего не знаем о ее завершении. Этот мир — перемирие, мы не знаем, каким будет окончательный мир» (Зимняя война ... , 2010: 293).

Нынешние оголтелые критики Сталина утверждают, что как в финской, так и в Великой Отечественной войне он делал ставку на военачальников, сформировавшихся в Гражданскую войну, не понимал значения механизации и моторизации армии. Так ли это?

14–17 апреля 1940 г. в ЦК ВКП(б) проходило совещание начальствующего состава по обобщению опыта боевых действий против Финляндии. В работе совещания участие принимал И. В. Сталин. Он выступил с заключительным словом в последний день совещания, 17 апреля. Вот выдержка из **неправленной** стенограммы его выступления, которая находится в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ):

«Сталин. Я хотел бы, товарищи, коснуться некоторых вопросов, которые либо не были задеты в речах, либо были задеты, но не были достаточно освещены.

Первый вопрос — о войне с Финляндией. Правильно ли поступили правительство и партия, что объявили войну Финляндии? ...Нельзя ли было обойтись без войны? Мне кажется, что нельзя было. Невозможно было обойтись без войны. Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить, безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества. Ленинград представляет процентов 30–35 оборонной промышленности нашей страны, и, стало быть, от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны, но и потому, что Ленинград есть вторая столица нашей страны...

Мы знали, что финнов поддерживают Франция, Англия, исподтишка поддерживают немцы, шведы, норвежцы, поддерживает Америка, поддерживает Канада. Знаем хорошо. Надо в войне предусмотреть всякие возможности, особенно не упускать из виду наиболее худших возможностей.

Второй вопрос: а не поторопились ли наше правительство, наша партия, что объявили войну именно в конце ноября — в начале декабря, нельзя ли было отложить этот вопрос, подождать месяца два-три-четыре, подготовиться и потом ударить? Нет. Партия и правительство поступили совершенно правильно, не откладывая этого дела и, зная, что мы не вполне еще готовы к войне в финских условиях, начали активные военные действия именно в конце ноября — в начале декабря. Все это зависело не только от нас, а скорее всего, от международной обстановки. Там, на Западе, три самых больших державы вцепились друг другу в горло (1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. — *И. И.*), когда же их руки заняты и нам представляется благоприятная обстановка.

Было бы большой глупостью, политической близорукостью упустить момент и не попытаться поскорее, пока идет там война на Западе, поставить и решить вопрос о безопасности Ленинграда... Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют.

Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено. Стало быть, благоприятная обстановка для того, чтобы поставить вопрос об обороне Ленинграда и государства, был бы упущен. Это было бы большой ошибкой...

Почему мы так осторожно и с некоторой скрытой целью подходили к этому вопросу, почему нельзя было ударить со всех пяти сторон и зажать Финляндию? Мы не ставили такой серьезной задачи, потому что **война в Финляндии очень трудная**. Мы знаем из истории нашей армии, нашей страны, что Финляндия *завоевывалась четыре раза*... Мы попытались ее пятый раз потянуть. Мы знали, что Петр I воевал двадцать

один год, чтобы отбить у Швеции всю Финляндию. Финляндия была тогда провинцией у Швеции, именно тот район, который мы теперь получили, — район Коляярви и Петсамо. Это не в счет, весь Карельский перешеек до Выборга, включая Выборгский залив. Причем Петр не получил тогда полуострова Ханко... Мы знали, что после Петра I войну за расширение влияния России в Финляндии вела его дочь Елизавета Петровна — два года. Кое-чего она добилась, но Гельсингфорс оставался в руках Финляндии. Мы знали, что Екатерина II два года вела войну и ничего особенного не добилась. Мы знали, наконец, что Александр I два года вел войну и завоевал Финляндию, отвоёвывал все области...

Вопрос: что же особенно помешало нашим войскам приспособиться к условиям войны в Финляндии? Мне кажется, что им особенно помешала созданная предыдущая кампания психологии в войсках и командном составе — шапками закидаем. Нам страшно повредила польская кампания, она избаловала нас. Писались целые статьи и говорились речи, что наша Красная Армия непобедима, что нет ей равной, что у нее все есть, нет никаких нехваток, не было и не существует... Вообще в истории не бывало непобедимых армий. Самые лучшие армии, которые били и там, и сям, они терпели поражения... В практике нет такой армии и не будет...

Наша армия не поняла, не сразу поняла, что война в Польше — это была военная прогулка, а не война. Она не поняла и не уяснила, что в Финляндии не будет военной прогулки, а будет настоящая война... Вот с этой психологией, что наша армия непобедима, с хвастовством, которые страшно развиты у нас... надо покончить... раз и навсегда покончить... Надо вдолбить нашим людям, начиная с командного состава и кончая рядовым, что война — это игра с некоторыми неизвестными, что там, в войне, могут быть и поражения. И поэтому надо учиться не только наступать, но и отступать...

Что мешало нашей армии быстро, на ходу перестроиться... не к прогулке подготовиться, а к серьезной войне? Что мешало нашему командному составу перестроиться для ведения войны не по-старому, а по-новому? Ведь имейте в виду, что за все существование Советской власти мы настоящей современной войны еще не вели. Мелкие эпизоды в Маньчжурии, у оз. Хасан или в Монголии — это чепуха, это не война. ...Гражданская война — это не настоящая война, потому что это была война без артиллерии, без авиации, без танков, без минометов. Без всего этого какая же это серьезная война? Это была особая война, не современная...

...Что помешало нашему командному составу с ходу вести войну в Финляндии по-новому, не по типу гражданской войны?.. Помешали, по-моему, культ традиции и опыта гражданской войны. Как у нас расценивают комсостав: а ты участвовал в гражданской войне? Нет, не участвовал. Пошел вон. А тот участвовал? Участвовал. Давай его сюда, у него большой опыт и прочее. Я должен сказать, конечно, опыт гражданской войны очень ценен, традиции гражданской войны тоже ценны, но они совершенно недостаточны...

Нельзя сразу вести атаку без артиллерийской обработки... Если так вести войну, значит загубить дело... Все эти разговоры о том, что жалеть нужно снаряды, нужны ли самозарядные винтовки, что они берут много патронов, зачем нужен автомат, который столько патронов берет... что нужно стрелять только по цели, — все это старое, эта область и традиции гражданской войны...

Гражданские люди — я, Молотов — кое-что находили по части военных вопросов. Не военные люди специально спорили с руководителями военных ведомств, переспорили их и заставили признать, что ведем современную войну с финнами, которых обу-

чают современной войне три государства: обучала Германия, обучает Франция, обучает Англия...

Почему прекратили производство **автоматов** Дегтярева? У него было только 25 зарядов. Глупо, но все-таки прекратили. Почему? Я не могу сказать. Почему **минометов нет**? Это не новое дело. В эпоху империалистической войны в 1915 году немцы спасались от западных и восточных войск — наших и французских, главным образом, минами. Людей мало — мин много. 24 года прошло, почему у вас до сих пор нет минометов? Ни ответа, ни привета.

А чем все это объясняется? Потому что у всех в голове царили **традиции гражданской войны**: мы обходились без мин, без автоматов, что ваша артиллерия, наши люди замечательные, герои и все прочие, мы напред и понесем.

Вот этот **культ традиции и опыта гражданской войны** развит у людей и отнял от них психологическую возможность побыстрее перестроиться на новые методы современной войны... Традиции и опыт гражданской войны совершенно недостаточны, и кто их считает достаточными, наверняка погибнет. Командир, считающий, что он может воевать и побеждать, опираясь только на опыт гражданской войны, погибнет как командир...

А что такое современная война?.. Чего она требует? Она требует массовой артиллерии. В современной войне артиллерия — это бог... Кто хочет перестроиться на новый современный лад, он должен понять, артиллерия решает судьбу войны, массовая артиллерия... **Артиллерия — первое дело.**

Второе — авиация, массовая авиация... И тот, кто хочет вести войну по-современному и победить в современной войне, тот не может говорить, что нужно экономить бомбы... Больше снарядов, больше патронов давать, **меньше людей будет потеряно**. Будете жалеть патроны и снаряды — будет больше потерь. Надо выбирать. Давать больше снарядов и патронов, **жалеть свою армию**... Сохранять силы, давать минимум убитых, или жалеть бомбы, снаряды.

Дальше танки, третье. Тоже решающее. Не сотни, а тысячи. Танки, защищенные броней, — это все. Если танки будут толстокожими, они будут чудеса творить при нашей артиллерии, при нашей пехоте.

Минометы, четвертое. Нет современной войны без минометов, массовых минометов. Все корпуса, все роты, батальоны, полки должны иметь минометы 6-дюймовые обязательно, 8-дюймовые. Это страшно нужно для современной войны. Это очень эффективные минометы... Замечательная штука миномет. Не жалеть мин! Вот лозунг. Жалеть своих людей. Если жалеть бомбы и снаряды — не жалеть людей, меньше людей будет. Если хотите, чтобы у нас война была с малой кровью, не жалейте мин.

Дальше — **автоматизация ручного оружия**. До сих пор идут споры, нужны ли нам самозарядные винтовки с 10-зарядным магазином? Люди, которые живут традициями гражданской войны, дураки, хотя они и хорошие люди, когда говорят: “А зачем нам самозарядная винтовка?” А возьмите нашу старую винтовку 5-зарядную и самозарядную винтовку с десятью зарядами... Боец с самозарядной винтовкой равняется трем бойцам. Как же после этого не переходить на самозарядную винтовку, ведь это полуавтомат. Это страшно необходимо, война показала это...

Дальше. Создание культурного, **квалифицированного и образованного** командного состава. Такого командного состава нет у нас, или есть единицы.

Мы говорим об **общевойсковом командире**. Он должен давать задания, т. е. руководить авиацией, артиллерией, танками, танковой бригадой, минометчиками, но если

он не имеет хотя бы общего представления об этом роде оружия, какие он может дать указания? Нынешний общевоинской командир — это не командир старой эпохи гражданской войны...» (цит. по: Сойма и Комиссаров, 2013: 375–388).

* * *

Разумеется, я понимаю, что сказанное мною составляет ничтожно малую часть того, что происходило в стране после Гражданской войны в предвоенные годы. Но даже эта малость, хочется думать, поможет внимательному читателю с неподвзятым мнением об И. В. Сталине представить тот объем чрезвычайно противоречивой и негативной информации, которую приходилось воспринимать и осмысливать этому человеку, оказавшемуся на вершине власти в стране, где в разрухе и хаосе находилось все и вся — и хозяйство, и политика, город и деревня, умы и души людей. Но если б только осмысливать! Будучи фигурой номер один, он должен был ежедневно принимать **окончательные решения** по сотням самых разных вопросов, от точности которых зависели судьбы миллионов человек всей страны...

Сегодня мы говорим о Сталине со всей суровостью верховных судий, как будто он был не человек, отбывший много лет в ссылках, отсидевший в охранках, прятанный в подполье от жандармского сыска, а наследником царского престола, которого десятилетиями готовили к управлению государством. Или сверхсуществом, которому дано единым взглядом охватить и понять все сущее, всех удовлетворить, умиловать и умиротворить. Да нет же, нет! Он не был полубогом, а был всего лишь человек. Даже ярый ненавистник всего советского строя «архитектор перестройки» А. Н. Яковлев отмечал его уникальные качества: «Среди большевиков Сталин был хитрее всех, коварнее всех, рассчитывал свои действия на годы вперед, знал тюремную и ссылную жизнь, обладал невероятной, фантастической памятью, натренировался фотографически читать тексты...» (Яковлев, 2001: 7). Что ни говори — совершенно неординарная личность!

А Дело, которое оказалось в его руках и его власти, никто еще не делал за всю историю человечества. Он и его пестрое, разнокачественное по уму, способностям и добродетельным свойствам сообщество творили это дело впервые. Они были первыми! Это надо понять. И никаких шпаргалок и подсказок со стороны, из прошлого — Маркс, Энгельс, Ленин? Теоретики. Только Ленин чуть хлебнул от действительности и тут же стал подправлять свои теоретические выкладки. Его убили... Жаль. Теперь даже посоветоваться не с кем. Бухарин — умница, тянет вправо, но чуть поднадавить на него, и он с тобою «в центре», где любит находиться истина. Зиновьев? Каменев? Эти гнут «влево», в сторону общемирового пожара революции. Все трое — хлипкие характером, слабовольные...

А народу на все это (в основном) наплевать. Обещали «заводы и фабрики — рабочим», «землю — крестьянам»? Где они? А тут один за другим недороды, засухи да неурожай. Чем кормить народ? Как одеть страну? Где взять валюту на закупку машин и станков, без которых не построишь заводы, не вооружишь армию! А буржуи уже готовят войну. Дорога каждая неделя, каждый месяц! Но то «левые», то «правые» затевают всероссийскую дискуссию. Пустая трата времени! Приходится хитрить, подыгрывать то одним, то другим. Лавировать. Но сколько можно?!

Трах по башке одному! Понял, успокоился. Клянется в верности. Трах по скуле другому! Заскулил, убежал. Пришел: «Протестую!» Трах по другой скуле! «В принципе я с Вами, товарищ Сталин, согласен, но...» — «Никаких “но”!.. — “Согласен”».

Вот с народом, с миллионами — тут все куда сложнее. Восстают, вооружаются. Снова «класс на класс», «брат на брата»?.. И ведь идут! Опять «гражданская»? Тут и конец всему: и революции, «светлому будущему», и тебе, Коба... Сталин... Думай, думай! На данный момент прав, пожалуй, Зиновьев... «Лево руля!..» Тут и поднялись кулаки и нэпманы, а с ними неразумные безлошадники и безземельники. И пошла резьба да пальба, и полилась кровь людская, как водица... А кто виновен? Да, ты, товарищ Сталин. Кто у нас рулевой?.. Что тут скажешь, верно! А коль такое дело — «Право руля!» Вот в такой примерно чехарде и строилась новая жизнь год за годом.

...Говорят, что Сталин был диктатором. Верно. Не сразу, не за год-два, а постепенно Сталин входил в роль диктатора и стал им. Думаю, никто на его месте в ту пору не избежал бы этой участи. Незадолго до своей смерти Каганович говорил о Сталине: «...Его надо брать по временам, по периодам, разный он был. Послевоенный — другой Сталин. Довоенный — другой. Между тридцать вторым и сороковым годами — другой. Он менялся. Я видел не менее пяти-шести Сталиных» (Сталин и Каганович ... , 2001: 10). Прочитав книгу «Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг.», я убедился в правоте этих слов: даже на протяжении этого пятилетнего периода видно, как менялось в письмах Сталина обращение к своим ближайшим подчиненным и друзьям: появлялось все больше раздражительности, резкости, грубости в выражениях и оценках людей.

Говорят, что Сталин был тираном, кровавым тираном. Преступником. На его счету якобы миллионы загубленных жизней. Точнее сказать, конечно, будет «на счету Системы, созданной Сталиным»... Как и почему она возникла, эта Система? Только ли в силу особых личных качеств Сталина? Это серьезный вопрос. На эту тему написано столько, что добавить что-либо новое, кажется, невозможно. Поэтому я не стану включаться в дискуссию. Готов без всяких оговорок согласиться с теми, кто говорит: «Не надо ни обелять, ни очернять Сталина». Надо видеть в нашей советской истории и то великое, замечательное и прекрасное, что было сотворено народом под сталинским водительством, и то ошибочное, страшное и позорное, что натворили он, его окружение и вся Система. Надо знать Правду и ничего кроме Правды. Надо знать и помнить и то, что тиранов создают рабы. Надо понимать, что у народа не бывает более жестоких тиранов, как те, которые вышли из его среды. И есть ли в мире хоть один большой, тем более великий народ, в истории которого не числилось бы хоть один-два тирана, зовись они фараонами, князьями, царями, императорами или президентами.

Сегодня мы знаем уже названия целых государств-тиранов...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Разверстка хлебофуража на 1920/1921 продовольственный год по РСФСР в целом, а также на большинство областей и губерний была объявлена постановлением Наркомпрода от 26 июля 1920 г. Из 440 млн пудов, подлежащих отчуждению в пользу государства, 110 млн пришлось на Сибирь (без Тюменской губернии), 17 млн — на Челябинскую губернию, 10 млн — на Екатеринбургскую. Разверстка на Тюменскую губернию была назначена позднее в размере 8177 тыс. пудов. В Сибири 35 млн пудов хлебофуража из причитавшихся по разверстке 110 млн (31,8%) должны были сдать крестьяне одной Омской губернии. Вдвое большим в масштабах Тюменской губернии — 5385 тыс. пудов хлебофуража, или 65,8% всей разверстки, — был удельный вес Ишимского уезда (см.: ГАНУ. Ф. р. 4. Оп. 1. Д. 520. Л. 6, 7; РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 6. Д. 1740. Л. 75; Бюллетень Наркомпрода. 13 августа 1920 г. №15; Систематический сборник ... , 1921: 528–530).

² Сборник «Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг.» (Сталин и Каганович, 2001) составлен работниками Российского государственного архива социально-политической истории. В книге опубликована переписка И. В. Сталина и его заместителя по партии тех лет Л. М. Кагановича. Выезжая на отдых летом-осенью на полтора-два месяца на юг, Сталин оставлял Кагановича руководить работой Политбюро, однако все материалы перед заседаниями ПБ Каганович загодя направлял Сталину. Изучив их, Сталин вносил в эти материалы свою правку и отправлял в ЦК ВКП(б) Кагановичу. Сборник содержит уникальную информацию по всем основополагающим вопросам жизни страны в период 1931–1936 гг.

³ Р. Меркадер был арестован, осужден на 20 лет тюрьмы. В июне 1941 г. закрытым указом Президиума Верховного Совета СССР Р. Меркадер был награжден Орденом Ленина. Из стенков он вышел 20 августа 1960 г. Политическое убежище ему предоставила Чехословакия, но в Праге он так и не появился, а через Кубу нелегально прибыл в СССР. Здесь его ждала самая высокая награда — Звезда Героя Советского Союза. Ее вручил не глава Правительства СССР Хрущев, некогда бывший оголтелым троцкистом, а председатель КГБ СССР В. Семичастный. В разведку Меркадер не вернулся. Работал старшим научным сотрудником Института марксизма-ленинизма. В 1973 г. уехал на Кубу советником к Ф. Кастро, а через три года умер. Похоронен в Москве на Кунцевском кладбище под именем Рамона Ивановича Лопеса... (см.: Лузан, 2010: 129).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондаренко, А. Ю., Ефимов, Н. Н. (2011) Утаенные страницы советской истории. М. : Кучково поле. Кн. 2. 384 с.
- Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 (2008) / сост. В. А. Гаврилов. М. : Международный фонд «Демократия». 836 с.
- Ворошилов, К. Е. (1937) Сталин и Красная Армия. М. : Государственное военное издательство наркомата обороны Союза ССР. 183 с.
- Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Шарля де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра (1990) / сост. Е. А. Трояновская. М. : Политиздат. 558 с.
- Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД (2010) / сост. С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб. : Информационно-издательское агентство «ЛИК». 320 с.
- Ленин, В. И. (1964) Письмо к съезду. 23–26 декабря 1922 г. // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М. : Политиздат. Т. 45. 730 с. С. 343–346.
- Лузан, Н. Н. (2010) Лубянка: подвиги и трагедии. М. : Кучково поле. 368 с.
- Роговин, В. (1993) Власть и оппозиция. М. : Товарищество «Журнал “Театр”». 398 с.
- Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1928 года. Стенографический отчет II. Приложение 11. Решение съезда «О троцкистской оппозиции» (1962). М.
- Сибирская Вандея (2001) : в 2 т. / соред. Т. Эммонс М. : МФ «Демократия». Т. 2. 1920–1921.
- Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу (1921). М. : Нар. ком. продовольствия СССР и РСФСР. Кн. 5: 1 июля 1920 г. — 31 дек. 1920 г. 872 с. С. 528–530.
- Сойма, В., Комиссаров, В. (2013) Неизвестный Сталин. М. : [б. и.]. 512 с.
- Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. (2001) / сост. О. В. Хлевнюк [и др.]. М. : РОССПЭН. 797 с.
- Сталин, И. В. (1949) Сочинения : в 13 т. М. : Гос. изд-во полит. лит.
- Троцкий, Л. Д. (1990а) К истории русской революции. М. : Политиздат. 446 с.
- Троцкий, Л. (1990b) Моя жизнь : в 2 т. М. : Книга. Т. 2. 343 с.
- Фельштинский Ю. Г. (1991) Два эпизода из истории внутрипартийной борьбы: конфиденциальные беседы Бухарина // Вопросы истории. № 2–3. С. 182–203.
- Яковлев, А. Н. (2001) Большевизм — социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М. : Изд-во «Три века истории». 2-е изд., испр. 780 с. С. 5–32.

XV конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стенограф. отчет (1927). М. ; Л. : Госиздат.

Дата поступления: 14.01.2019 г.

THE INTERWAR YEARS IN THE USSR (1921-1939)
OR WAS STALIN PREPARING THE COUNTRY FOR THE GREAT WAR?

I. M. ILINSKIY

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The paper analyses the tough period in the history of the USSR – the years of the Soviet government establishing itself; of the political, economic, and social decisions after the end of the Civil War and before the beginning of the Great Patriotic War. The author considers the issues of studying history, modern scientific interpretations of political leaders' activity, and the issues of public opinion swings.

Keywords: USSR; history of Russia; Civil War; Great October Revolution; Great Patriotic War; Bolsheviks; Soviet period; V. I. Lenin; I. V. Stalin; L. D. Trotsky; N. I. Bukharin; G. Y. Zinoviev; L. B. Kamenev

REFERENCES

Bondarenko, A. Iu. and Efimov, N. N. (2011) *Utaennye stranitsy sovetskoï istorii*. Moscow, Kuchkovo pole. Book 2. 384 p. (In Russ.).

Voennaia razvedka informiruet. Dokumenty Razvedupravleniia Krasnoi Armii. Ianvar' 1939 — i iun' 1941 (2008) / comp. by V. A. Gavrilov. Moscow, Mezhdunarodnyi fond «Demokratia». 836 p. (In Russ.).

Voroshilov, K. E. (1937) *Stalin i Krasnaia Armiia*. Moscow, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo narkomata oborony Soiuzna SSR. 183 p. (In Russ.).

Vtoraia mirovaia voina v vospominaniakh U. Cberchillia, Scharlia de Gollia, K. Kbella, U. Legi, D. Eizenkhauera (1990) / comp. by E. A. Troianovskaia. Moscow, Politizdat. 558 p. (In Russ.).

Zimniaia voina 1939–1940 gg. v dokumentakh NKVD (2010) / comp. by S. K. Bernev and A. I. Rupasov. St. Petersburg, Informatsionno-izdatel'skoe agentstvo «LIK». 320 p. (In Russ.).

Lenin, V. I. (1964) Pis'mo k s'ezdu. 23–26 dekabria 1922 g. In: Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii*. 5nd ed. Moscow, Politizdat. Vol. 45. 730 p. Pp. 343–346. (In Russ.).

Luzan, N. N. (2010) *Lubianka: podvigi i tragedii*. Moscow, Kuchkovo pole. 368 p. (In Russ.).

Rogovin, V. (1993) *Vlast' i oppozitsiia*. Moscow, Tovarishchestvo «Zhurnal "Teatr"». 398 p. (In Russ.).

Piatnadsatyi s'ezd VKP(b). Dekabr' 1928 goda. Stenograficheskiï otchet II. Prilozhenie 11. Reshenie s'ezda «O trotskistskoi oppozitsii» (1962). Moscow. (In Russ.).

Sibirskaiia Vandeia (2001) : in 2 vol. / ed. by T. Emmons. Moscow, MF «Demokratia». Vol. 2. 1920–1921. (In Russ.).

Sistematicheskii sbornik dekretov i rasporiashenii pravitel'stva po prodovol'stvennomu delu (1921). Moscow, Nar. kom. prodovol'stviia SSSR i RSFSR. Book 5: 1 i iulia 1920 g. — 31 dek. 1920 g. 872 p. Pp. 528–530. (In Russ.).

Soima, V. and Komissarov, V. (2013) *Neizvestnyi Stalin*. Moscow, s. n. 512 p. (In Russ.).

Stalin i Kaganovich. Peregovorka. 1931–1936 gg. (2001) / comp. by O. V. Khlevniuk [et al.]. Moscow, ROSSPEN. 797 p. (In Russ.).

Stalin, I. V. (1949) *Sochineniia* : in 13 vol. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit. (In Russ.).

Trotskii, L. D. (1990a) *K istorii russkoi revoliutsii*. Moscow, Politizdat. 446 p. (In Russ.).

Trotskii, L. (1990b) *Moia zhizn'* : in 2 vol. Moscow, Kniga. Vol. 2. 343 p. (In Russ.).

Fel'shtinskii Iu. G. (1991) Dva epizoda iz istorii vnutripartiinoi bor'by: konfidentsial'nye besedy Bukharina. *Voprosy istorii*, no. 2–3, pp. 182–203. (In Russ.).

Iakovlev, A. N. (2001) Bol'shevizm — sotsial'naia bolezn' XX veka. In: *Cbernaiia kniga kommunizma. Prestupleniia, terror, repressii*. Moscow, Izd-vo «Tri veka istorii». 2nd ed. 780 p. Pp. 5–32. (In Russ.).

XV konferentsiia Vsesoiuznoi Kommunisticheskoi partii (b): Stenograf. otchet (1927). Moscow, Leningrad, Gosizdat. (In Russ.).

Submission date: 14.01.2019.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-78-78. Эл. адрес: iilinskiy@mosgu.ru

Iilinskiy Igor Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, Rector, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-78-78. E-mail: iilinskiy@mosgu.ru